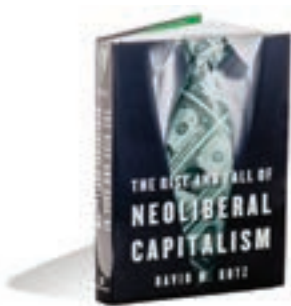

Потерянный рай?

David Kotz

The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism

Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 2015, 270 pp., \$39.95 (cloth).

Худший вид ностальгии — это тоска по временам, которых никогда не было. Началось все с Библии — см. рассказ об Эдеме. Голливуд подхватил эстафету своими фильмами о Диком Западе. Экономист Дэвид Котц вносит свой вклад в этот жанр своей книгой «Взлет и падение неолитерального капитализма» (*The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism*). Это экономическая история периода после Второй мировой войны, когда, если верить Котцу, капитализм был мягче, гуманнее и регулировался намного лучше.

Та форма капитализма, которая, как считает Котц, господствовала с окончания войны до начала 1980-х годов, была полна противоречий. Он утверждает, что, хотя налоги тогда были выше, люди зарабатывали больше и экономика росла быстрее. Хотя торговля была более ограничена, компании процветали. Хотя свободное ценообразование на многие товары не позволялось (цены могли устанавливаться согласно правилам «справедливой торговли»), люди сберегали больше. Хотя комиссионные на Уолл-стрит были фиксированными и превышали сегодняшние средние значения, на финансовый сектор приходилось гораздо меньшие доли ВВП и прибылей, чем сейчас.

Котц пишет, что между работниками и работодателями существовала гармония, а у профсоюзов было место за столом переговоров. (Однако где-то под автостоянкой или футбольным стадионам покоится тело пропавшего без вести профсоюзного лидера Джимми Хоффы, который многое мог бы рассказать о том, насколько гармоничными были отношения труда и бизнеса.) Экономическое добродушие и гармония 1950-х, 60-х и 70-х годов было отличительной чертой послевоенного капитализма, — утверждает Котц.

В версии истории по Котцу благосостояние каждой группы, кроме того самого одного процента, росло день ото дня. Но Котц не упоминает о том, что происходило с окружающей средой или как обстояли дела с безопасностью на рабочем месте до создания Управления по охране труда Министерства труда и Агентства по охране окружающей среды США. Не пишет он ни про здравоохранение, ни про сегодняшние провалы в медицине, фармацевтике и науке. Котц также обходит молчанием инновации. Эта книга — об экономике; она не о бизнесе.

Финансы он также пролетает галопом. Когда же он все-таки бросает на них взгляд, то взгляд этот в основном негативный — например, когда он рассматривает ипотеку и особенно шумную историю с Countrywide — крупнейшим до кризиса с недвижимостью ипотечным кредитором жилья.

Проблема с книгой Котца заключается в том, что никто точно не знает, верен или нет его контринтуитивный тезис о том, что когда капитализм регулировался более жестко, он был более энергичным. В цифрах, которые Котц приводит в обоснование своих доводов, много шума. Например, он пишет, что с 1948 по 1973-й год ВВП рос в среднем на 4 процента, а с 1973 по 2008-й год рост замедлился до 3 процентов. Это снижение темпов означает для Котца, что капитализм был более успешным, когда он сдерживался более жесткими правилами и регулированием. Вопреки мнению многих экономистов, «Новый курс» и послевоенное регулирование отнюдь не замедлили рост, а, наоборот, ускорили его. Его посыл состоит в том, что капитализм функционирует лучше всего тогда, когда его руки связаны.

По Котцу, глобальный рост следовал в основном по той же траектории. Он утверждает, что глобальное замедление стало результатом усиления конкуренции в капиталистической системе (которая стала еще более беспощадной), и после того, как регулируемые цены сменились рыночными, эта обострившаяся конкуренция стала сдерживать рост. Неужели?

Я считаю другие тезисы о характере роста в эти периоды гораздо более убедительными. Например, в 1950-е и 60-е годы экономика росла энергично, потому что мир все еще восстанавливался после войны. Кроме этого, жилищное строительство испытывало взрывной рост в связи с бумом рождаемости. Как мы знаем, продажи жилья оказывают мощное воздействие на экономику, поскольку владельцы домов имеют тенденцию заполнять свои новые жили-

ща всякой всячиной — от мебели до посудомоечных машин и холодильников.

Инвестиции в крупные проекты — инфраструктуру, жилье и т. д. — оказывают

Ключевой вопрос в том, чем нынешняя форма капитализма отличается от той, которая существовала по окончании Второй мировой войны.

одни из самых сильных и продолжительных эффектов экономического мультипликатора, и эти эффекты были особенно благоприятны для молодых людей мужского пола без трудовых навыков, стоявших перед дилеммой: поступать в колледж по Закону о правах военнослужащих либо приобретать профессию каким-либо другим путем. В своей совокупности крупные инфраструктурные проекты приводили не только к созданию рабочих мест, но и к дефициту рабочей силы. Этот дефицит способствовал повышению заработной платы и увеличению сбережений.

В книге поднимается ключевой вопрос о том, чем нынешняя форма капитализма отличается от той, которая существовала по окончании Второй мировой войны. Это интересный вопрос, на который вполне возможны и контринтуитивные ответы, но доводы Котца не убеждают. Он просто не приводит доказательств того, что страны с жестко регулируемой экономикой чувствуют себя здоровее, растут быстрее и удовлетворяют потребности людей лучше, чем страны с более свободными формами капитализма.

Я разочарован. Эта книга выглядит как проект, который был начат, когда мир склонялся в одну сторону, а закончен, когда он уже склонялся в другую, и Котц не включил эти изменения в свою книгу. Другими словами, описанного Котцом (с такой степенью ностальгии, на какую только способен экономист) периода жесткого регулирования, быстрого роста и гармонии на самом деле никогда не было.

Джозел Курицман,

старший научный сотрудник

Института Милкена

и Центра продвинутых исследований

в области управления SEI

Уортонской школы бизнеса